

7. Осмонова Ч. Жаш өспүрүм психологиясы. Ош: ОшМУ, 2020. 160 б.
8. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
9. Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: поиск новой парадигмы. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2004. 144 с.
10. Токтомаматов А. Кыргыз үй-бүлөлүк тарбиясынын өзгөчөлүктөрү // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. 2016. №4. С. 78–84.
11. Эльконин Д. Б. Психология развития. М.: Академический проект, 1995. 384 с.
12. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Владос, 2012. — 256 с.
13. Goleman D. Emotional Intelligence. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.
14. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9. P. 185–211.
15. UNESCO. Reimagining our futures together: A new social contract for education. Paris: UNESCO Publishing, 2021.
16. UNICEF Kyrgyzstan. Adolescents and Youth Development Programme Report, 2023. Bishkek: UNICEF, 2023.
17. Указ Президента КР (2024 г. 18дек. № 369) "Улуттук дем – дүйнөлүк бийиктик" уңгуюлу- инициатива Кыргызской Республики «Национальный дух — мировые высоты». URL : <https://cbd.minjust.gov.kg/18-11/edition/23328/kg>, 2024/

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОЙ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кадырова Э. Б., Бишкек (Кыргызская Республика)

Аннотация. В статье исследуются мифологические, религиозные и философские основания антропологических моделей народов Евразии в контексте современной многополярной геокультурной трансформации. Анализируются ключевые архетипы человека, сформированные в рамках шаманистских, буддийских, исламских, православно-христианских и других традиций евразийского мира, и их роль в процессах социокультурной интеграции. Обосновывается, что в условиях формирующейся многополярности именно традиционные антропологические модели выступают как ресурс культурной идентификации, смыслообразования и диалога цивилизаций. Выделяются общие евразийские концепты (соборность, срединность, сакральность природы) и специфические черты отдельных традиций;

рассматриваются возможности их синтеза в пространстве современной интеграционной политики. Делается вывод о том, что учёт антропологического измерения является необходимым условием устойчивого евразийского партнёрства.

Ключевые слова: антропологические модели, евразийская интеграция, миф, религия, философия, культурная идентичность, многополярность, геокультурная трансформация, межкультурный диалог, этнокультура

MYTHOLOGICAL, RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF ANTHROPOLOGICAL MODELS OF EURASIAN PEOPLES IN THE CONTEXT OF MULTIPOLAR GEOCULTURAL TRANSFORMATION

Kadyrova E. B., Bishkek (Kyrgyz Republic)

Abstract. *The article examines the mythological, religious and philosophical foundations of anthropological models of Eurasian peoples in the context of the contemporary multipolar geocultural transformation. Key archetypes of the human being formed within shamanistic, Buddhist, Islamic, Orthodox Christian and other traditions of the Eurasian world are analyzed, along with their role in socio-cultural integration processes. It is argued that traditional anthropological models serve as a resource for cultural identification, meaning-making, and civilizational dialogue under the conditions of emerging multipolarity. Common Eurasian concepts (sobornost, centrality, the sacredness of nature) and specific features of individual traditions are identified; possibilities of their synthesis within contemporary integration policy are discussed. The conclusion is drawn that accounting for the anthropological dimension is a necessary condition for sustainable Eurasian partnership.*

Keywords: *anthropological models, Eurasian integration, myth, religion, philosophy, cultural identity, multipolarity, geocultural transformation, intercultural dialogue, ethnocultures*

Современный мировой порядок переживает глубокую структурную трансформацию. Распад однополярной системы, усиление незападных центров силы и нарастающая конкуренция цивилизационных проектов создают запрос не только на новые политические и экономические архитектуры, но и на переосмысление культурных, духовных и антропологических оснований человеческого существования. В этом контексте Евразия — как пространство пересечения древнейших мифологических традиций, мировых религий и самобытных философских систем — приобретает особое значение.

Антропологические модели, то есть системные представления о природе, предназначении и устройстве человека, исторически

формируются в лоне мифологии, религии и философии. Именно они задают горизонты коллективной идентичности, нормативные образцы поведения и логику межкультурного взаимодействия. В евразийском пространстве эти модели чрезвычайно разнообразны: от шаманистского анимизма тюркских и монгольских народов до буддийской антропологии Тибета и Калмыкии, от исламской концепции человека как наместника Бога на земле до православно-христианского учения о богоподобии и соборности.

Актуальность изучения данных оснований в условиях текущей геокультурной трансформации определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, процессы евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, ШОС и смежных форматов требуют гуманитарного измерения, без которого экономическое и инфраструктурное сотрудничество остаётся неустойчивым. Во-вторых, нарастающая конкуренция ценностных систем обострила вопрос о том, какие антропологические модели способны обеспечить общий нормативный горизонт для народов с различными цивилизационными траекториями. В-третьих, рост этнического и религиозного самосознания народов Евразии создаёт одновременно ресурсы и риски для интеграционных процессов [2].

Цель настоящей статьи — систематизировать ключевые мифологические, религиозные и философские основания антропологических моделей народов Евразии и выявить их интеграционный потенциал в условиях многополярной геокультурной трансформации.

1. Понятие антропологической модели в культурном и геокультурном контексте

Под антропологической моделью в данном исследовании понимается устойчивая система представлений о природе человека, его происхождении, месте в мироздании, смысле существования и нормах отношений с другими людьми и с окружающим миром. Эти модели не являются абстрактно-философскими конструктами — они живут в ритуальных практиках, эпосах, религиозных текстах, образовательных традициях и повседневном этосе конкретных народов [7; 12; 13].

Геокультурная трансформация — процесс переустройства мирового культурного пространства, сопровождающий геополитические сдвиги. В условиях многополярности она проявляется в реабилитации незападных культурных норм, росте интереса к собственным цивилизационным традициям и формировании новых форм межкультурного диалога [5; 11]. Для евразийского пространства это означает возможность переосмыслить собственные

антропологические ресурсы не как периферийную экзотику, а как самостоятельные основания для выработки интеграционных смыслов.

Теоретической рамкой исследования служат: сравнительная мифология (К. Леви-Строс, М. Элиаде), феноменология религии (Р. Отто, М. Элиаде), постсекулярная социальная теория (Ю. Хабермас, Ч. Тейлор [14]), а также евразийская философская традиция (Н. Трубецкой, Л. Гумилёв) и современная культурная антропология Центральной Азии.

2. Мифологические основания: архетипы человека в традициях народов Евразии

Мифология является первичным слоем антропологического самосознания: именно в мифе кодируется изначальный образ человека, его связь с космосом, природой и сообществом. В евразийском пространстве прослеживается несколько ключевых мифологических антропологических архетипов.

Первый — архетип «человека-посредника» в шаманистских традициях тюркских, монгольских, алтайских, якутских и других народов Сибири и Центральной Азии. Шаман выступает медиатором между мирами — верхним, средним и нижним, — что формирует образ человека как принципиально открытого, пограничного существа, чья сила заключается в способности к трансформации и переходу [1; 8]. Этот архетип несёт в себе важную интеграционную метафору: ценность пограничного, связующего человека, умеющего быть «своим» в разных мирах.

Второй — архетип «героя пути» в эпических традициях (алтайский «Маадай-Кара», кыргызский «Манас», казахский «Алпамыс», монгольский «Гэсэр»). Эпический герой — это человек, чья антропологическая полнота раскрывается в испытании и странствии, в преодолении хаоса ради установления порядка и справедливости для своего народа. Общность эпической антропологии народов Евразии — при всём разнообразии конкретных традиций — свидетельствует о наличии глубинного культурного субстрата, потенциально объединяющего эти народы.

Третий — архетип «человека-хозяина» (эне-сай, ийе) в тюркско-монгольском мировоззрении, предполагающий ответственное, сакрально обоснованное отношение к природным объектам — горам, рекам, деревьям, животным. Этот архетип обретает новую актуальность в контексте климатических вызовов и экологической повестки, которая всё активнее входит в интеграционный дискурс.

3. Религиозные основания: многообразие традиций и общие ценностные горизонты

Евразийское пространство является ареной присутствия крупнейших мировых религий — ислама, православного христианства, буддизма, а также многочисленных синкретических и народных форм религиозности. Каждая из этих традиций несёт собственную антропологическую модель, и понимание их специфики критически важно для выработки продуктивных форм межкультурного диалога.

Исламская антропологическая модель, господствующая среди народов Центральной Азии, Поволжья и Северного Кавказа, строится вокруг концепта «халифы» — наместника Бога на земле (Коран, 2:30). Человек в исламе наделён достоинством (карама), разумом (‘акл) и свободой воли в пределах Божественного замысла, и несёт ответственность за справедливость (адаля) в земных делах. Эта модель содержит мощный ресурс общественной солидарности (умма), социальной ответственности и правовой культуры [6].

Православно-христианская антропология, формирующая культурный горизонт русского и ряда других народов Евразии, акцентирует богоподобие (образ и подобие Божие), соборность (органическое единство личностей в любви и истине) и кенотизм — духовный путь через самоотдачу и жертву. Концепт соборности (А. Хомяков, В. Соловьёв) обладает значительным интеграционным потенциалом: он предполагает подлинное единство без поглощения отдельных личностей и культур [3].

Буддийская антропология, представленная прежде всего у бурятского, калмыцкого, тувинского народов, а также в Монголии, строится на концепции анатта (отсутствие неизменной самости) и взаимозависимого возникновения (пратитьясамутпада). Человек понимается как процесс, а не субстанция; его достоинство — в способности к пробуждению (бодхи). В этой модели особую ценность приобретают сострадание (каруна) и мудрость (праджня) как основы отношений с другими существами [9].

Несмотря на принципиальные доктринальные различия, все три традиции разделяют ряд антропологических ценностей, потенциально значимых для евразийской интеграции: достоинство человека, ответственность перед сообществом, нравственную обоснованность власти и важность справедливости. Именно эти точки пересечения могут служить основанием для диалога и совместного нормативного языка.

4. Философские основания: от классической евразийской мысли к современным синтезам

Философское осмысление антропологической специфики Евразии получило наиболее систематическое выражение в евразийском

движении первой половины XX века (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский). Классическое евразийство сформулировало понятие «месторазвития» — органического единства природного, культурного и исторического пространства, формирующего особый антропологический тип. Для евразийских народов, согласно этой традиции, характерны устремлённость к синтезу, коллективистские установки («туранский элемент»), противостоящие атомизирующему индивидуализму западноевропейской цивилизации [10]. Эта концепция, несмотря на свою идеологическую нагруженность, впервые поставила вопрос о возможности общей антропологической рамки для народов от Карпат до Тихого океана.

Значительное влияние на развитие евразийской антропологической мысли оказала теория пассионарности и этногенеза Л. Н. Гумилёва [4]. Рассматривая народы Евразии как единую суперэтническую систему, связанную общим ландшафтным и биосферным вмещающим пространством, Гумилёв акцентировал природно-энергетическое измерение человека — его включённость в биосферные ритмы и зависимость от «пассионарного толчка» как источника исторического творчества. С антропологической точки зрения это означает, что модели человека в евразийских культурах не могут быть сведены к чисто социальным или рациональным конструктам; они укоренены в биофизических и ландшафтных условиях, что сближает их с мифологическим архетипом «человека-хозяина» (см. раздел 2).

В современной философской литературе евразийская традиция развивается в нескольких направлениях. Во-первых, это академические исследования, продолжающие сравнительный анализ культурных и антропологических концептов народов Центральной Азии, Поволжья, Сибири. Среди современных авторов, занимающихся этой проблематикой, можно выделить В.А. Тишкова и Л.И. Миссонову, анализирующих общие культурные процессы на евразийском пространстве, а также М.А. Маслина, исследующего евразийское многообразие русской философии. Эти авторы, как правило, избегают геополитической риторики и сосредоточены на реконструкции конкретных антропологических представлений в их историческом и современном контексте. Во-вторых, существуют более идеологизированные версии евразийства (например, у А.Г. Дугина [5]), которые не являются общепризнанными в академическом сообществе и часто критикуются за смешение философского анализа с политическими декларациями; в данной статье они не

рассматриваются как источник верифицированного знания об антропологических моделях.

Особый интерес для выявления интеграционного потенциала представляет концепт «срединного пути», присутствующий в различных евразийских традициях. В буддизме это мадхьяма-пратипада (учение о срединности между крайностями гедонизма и аскетизма), в конфуцианской этике — чжун-юн (доктрина гармонии и меры), в исламе — понятие «умеренной общины» (уммат ан-васат), а в русской религиозной философии — идея цельности и соборности как избегания крайностей рационализма и мистицизма. Срединность как антропологическая установка означает отказ от крайностей, стремление к равновесию, гармонии с природой и сообществом. Именно эта установка является общей для многих народов Евразии, несмотря на различие их конфессиональной принадлежности. Она может служить философской основой для межкультурного диалога в условиях многополярной геокультурной трансформации, поскольку не навязывает универсализма западного образца, но и не уходит в изоляционизм.

5. Интеграционный потенциал и риски антропологического измерения

Анализ мифологических, религиозных и философских оснований антропологических моделей народов Евразии позволяет выделить несколько уровней их интеграционного потенциала.

На уровне общих ценностей прослеживается устойчивое ядро представлений: достоинство человека, укоренённость в сообществе и природе, нравственная обоснованность власти, ценность справедливости и взаимопомощи. Эти ценности могут служить общим нормативным горизонтом для межкультурного и межгосударственного диалога в евразийском пространстве.

На уровне культурных практик традиционные антропологические модели воспроизводятся в праздниках, обрядах жизненного цикла, народной медицине и педагогике, художественных традициях. Включение этого слоя в политику культурного сотрудничества — через совместные фестивали, образовательные программы, музейные обмены — создаёт живую инфраструктуру интеграции «снизу».

Вместе с тем необходимо учитывать риски. Антропологические модели могут использоваться не только как ресурс диалога, но и как инструмент демаркации и исключения: «свои» антропологические нормы противопоставляются «чужим» в логике цивилизационного конфликта. Религиозный фундаментализм и этнический национализм способны инструментализировать традиционные образы человека в

целях, враждебных интеграции. Преодоление этих рисков требует целенаправленной культурной политики и развития академического межкультурного диалога.

Заключение

Мифологические, религиозные и философские основания антропологических моделей народов Евразии представляют собой мощный, но недостаточно осмысленный ресурс евразийской интеграции в условиях многополярной геокультурной трансформации. В евразийских традициях — при всём их разнообразии — прослеживается общее ценностное ядро: достоинство человека, его укоренённость в природном и социальном космосе, ответственность перед сообществом, стремление к гармонии и срединности.

В условиях, когда евразийская интеграция всё настойчивее ищет гуманитарное измерение, обращение к этим основаниям открывает возможности для формирования подлинного, а не декларативного межкультурного диалога. Необходимым условием этого является преодоление как редукционистски-функционального взгляда на культуру (сведение её к «мягкой силе» и инструменту политики), так и изоляционистского цивилизационного дискурса, блокирующего реальное взаимодействие традиций.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на сравнительный анализ конкретных антропологических концептов в отдельных традициях, изучение их трансформации в условиях модернизации и цифровизации, а также на разработку прикладных инструментов межкультурного диалога на основе выявленных общих ценностных оснований.

Литература

1. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Санкт-Петербург: Издательство Российской Академии Наук, 1924. – 158 с. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=141728>. – <http://biblioclub.ru/>.
2. Ансаматова Э. Д. Евразийское геополитическое пространство и поиск новой макроидентичности // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2024. Т. 1. № 13. С. 53-59.
3. Бердяев Н. А. Русская идея: (основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века). Париж: YMCA-Press, 1946. 258 с.
4. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. В. С. Жекулина. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. 526 с.

5. *Дугин А. Г.* Теория Многополярного Мира. Плюриверсум: учебное пособие; науч. ред. Н. В. Мелентьева. М.: Академический Проект, 2015. 358 с.

6. *Игнатенко А. А.* Ислам и политика: сборник статей / Игнатенко А.А. Москва: Новое издательство, Институт религии и политики, 2004. 256 с. ISBN 5-98379-018-8. Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: URL: <https://www.iprbookshop.ru/49854.html> (дата обращения: 21.05.2026).

7. *Малиновский Б. К.* Магия, наука и религия. Москва: Рефл-бук: СЕУ, 1998. 288 с.

8. *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм; Ан СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 319 с.

9. *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. 304 с.

10. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык; сост. В. М. Живов; вст. ст Н. Г. Толстого и Л. Н. Гумилева. Москва: Изд. гр. Прогресс, 1995. 800 с.

11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ; Санкт-Петербург; Terra Fantastica, 2003. 603 с.

12. Эволюция идеологии в контексте духовного наследия / А. К. Бабашов, А. Н. Смутко, Ш. К. Аалиева [и др.] // Социология. 2024. № 10. С. 178-185.

13. *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

14. *Habermas J., Taylor Ch. et al.* The Power of Religion in the Public Sphere. New York: Columbia University Press, 2011. 137 p.

ЦИФРОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЛАТФОРМА КАК СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЧИТАТЕЛЬСКО-АВТОРСКОГО УЧАСТИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ: НА МАТЕРИАЛАХ ZELLULOZA.RU

Калмыков Н.Н., Москва (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается цифровая литературная платформа как социальная архитектура читательско-авторского участия и культурной преемственности. Эмпирическую базу составляют открытые материалы платформы *Zelluloza.ru*: описание платформы, авторский маршрут, конкурсные механики и формы взаимодействия с читателями. Исследование выполнено в логике кейс-анализа и социально-архитектурного подхода. В центре внимания находятся не количественные характеристики молодежной аудитории, а устройство цифровой среды, задающее роли, правила, стимулы, ограничения и сценарии участия в чтении, письме и обсуждении текстов. На основе анализа